

Вернуть бойцам имена

Для чего сургутяне ездят по местам крупных сражений и кого ищут на полях битв?

Анастасия АЛАДИНСКАЯ

Как проходит их отпуск? Сутками по уши в земле и глине, на жаре или под проливным дождем, чего уж скрывать, порой даже рискуя собственной жизнью, волонтеры копают до тех пор, пока не откопают неизвестных солдат, чтобы отыскать их родственников и захоронить бойцов уже с почестями. Они хотят, чтобы каждый неизвестный герой обрел свое имя и вечную память.

Война продолжается

В Сургуте поисковым движением занимаются воспитанники военно-поискового клуба «Север». Алиса Загирова — одна из его активисток. Не так давно она вместе с другими волонтерами вернулась из поисковой экспедиции и уже готовится к следующей. Этим летом сургутяне побывали в Ростовской области. Там, недалеко от Сталинграда, проходило крупное сражение, в котором polegло много бойцов.

Алиса откапывает, или, как говорят поисковики, поднимает погибших солдат уже третий год. Как школьный учитель, она знает историю и географию крупнейших сражений Великой Отечественной войны, разбирается в разновидностях боевых снарядов, оружия и отличит форму солдат 1941 года от 1944-го. Девушка тратит на эти поездки целые отпуска, потому что считает это своим долгом — возвращать погибших солдат их родственникам.

— Мы ездим на места сражений и поднимаем бойцов. До тех пор, пока солдаты не найдены, их имена не установлены и они не похоронены с честью, считается, что они еще остались на войне и не вернулись домой. Мы либо возвращаем их домой, если устанавливаем их имена, либо производим захоронения со всеми почестями в братскую могилу. И тогда о них уже помнят, их память чтут, о них знают, — рассказывает член военно-поискового клуба «Север» Алиса Загирова.

Важные детали

В этой экспедиции югорчане подняли 22 бойца-красноармейца. Установить имя пока удалось только у одного, потому что у него был с собой специальный медальон. Еще один медальон сейчас находится на экспертизе. Это такие зачастую самодельные кулоны, в которых содержится вся информация о солдате: от имени и места рождения, откуда его призвали на фронт до звания и рода войск. Обнаружить такую вещь рядом с поднятым бойцом — счастье, потому что на войне бывали ситуации, когда людям приходилось избавляться от таких кулонов.

— Во время войны это были капсулы со вкладышем. Не все наши бойцы находятся с эти-

Поисковики работают до мозолей, чтобы успеть за экспедицию поднять, как можно больше бойцов

ми медальонами или медальоны бывают пустыми, потому что на войне случались разные ситуации. Одна из версий, что эти бумажные вкладыши солдаты могли использовать для розжига костров в лесу. К тому же, говорят, что у солдат была такая примета: если ты заполнил вкладыш, то точно не вернешься с войны живым. Но все-таки многие бойцы хотели бы, чтобы их тела после смерти передали родственникам, и старались оставить о себе хоть какую-то информацию. Мы находим разные кусочки бумаги и вкладыши с нацарапанными именами, в которых написано: отвезите меня туда-то и передайте тому-то, — говорит девушка.

По рассказам волонтеров, встречаются и необычные медальоны — сломанные патроны, из которых высыпали порох, чтобы вставить в них вкладыш, гильзы, нацарапывали свои имена солдаты даже на подошве обуви и пуговицах.

— Именно поэтому, когда мы поднимаем бойцов и находим с ними патроны, гильзы, то все внимательно рассматриваем. Потому что, может быть, какая-то из таких неожиданных находок расскажет его историю. Любые предметы: ложки, ремни, котелки, каблуки от ботинок — наша задача рассмотреть все, — объясняет Алиса. — Год назад ездила на «Зайцеву гору» — это одна из самых кровавых высот

Великой Отечественной войны, и там нашли бойца, опознали его имя и отыскали его родственников в Екатеринбурге. Они приехали за ним и перезахоронили его рядом с бабушкой, которая всю жизнь искала мужа и ждала его с фронта. Другой боец оказался из Казахстана. Его родственники не нашлись, но приехал представитель и привез с его родины горсть земли. Мы захоронили его рядом с остальными бойцами, но уже с частичкой дома.

Кроме сургутских активистов в этих поисках участвуют отряды из других городов России. Параллельно в стране ведется свыше десятка раскопок. Так, в прошлом году ямальцы подняли солдата из Нягани и вернули его родственникам. Вообще, отправляясь в такие экспедиции, волонтеры готовятся не только физически, они заранее изучают местность, историю сражений, работают с архивами, собирают информацию о войсках, которые воевали на этой территории. Процесс поиска начинается с обследования земли металлоискателем. А копать, бывает, приходится ямы ростом со взрослого человека.

— Приезжаем на место — нам выделяют квадрат земли. Если там были бои с тяжелой техникой, с гранатами, снарядами, то после них даже спустя 75 лет остаются воронки. Мы проверяем их, не осталось ли там снарядов. У нас есть

длинный шест — он называется шуп, им протыкают землю. Если он натывается на что-то в земле, то по звуку мы определяем, что это: металл, стекло, дерево, останки человека — все слышно. И начинаем копать. Снимаем лопатами слой за слоем. Потом начинаем зачистку — аккуратно освобождаем свою находку от земли. Это очень кропотливая работа. Если там лежит человек, то по цвету грунта мы это понимаем. По тому, в шинели он или в плащ-палатке, можно определить время года и год его захоронения. Бывает, можем понять, как он погиб. Опытные поисковики по патронам умеют определять даже род войск.

Всю информацию о найденных бойцах волонтеры сдают в архивы. Сама экспедиция завершается только после торжественного перезахоронения погибших воинов.

Один неверный шаг...

— Неопытный поисковик может случайно задеть снаряд лопатой, и это опасно. Помню, как в одной из поездок металлоискатель находил мины чуть ли не на каждом шагу. Их нельзя трогать, с ними работают саперы. Опытные поисковики уже и сами умеют обезвреживать снаряды. Но это, знаете, как происходит? Когда ты обнаруживаешь в яме с бойцом гранату, то всем нужно покинуть место раскопок, а кому-то одному спуститься в эту маленькую яму и проверить, действующая она или нет. Несчастные случаи, наверное, бывают, но я о таких за три года не слышала, — делится Алиса.

Девушка вспоминает, как, не задумываясь, решила отправиться в первую экспедицию, не испугавшись, что придется носить 120-литровый

рюкзак, жить без душа и других коммунальных удобств.

— Было страшно в первый раз увидеть останки бойца: как они выглядят? а вдруг пахнут? Есть люди, которые только копают, но не могут работать с останками. Когда зачищу бойца, то говорю ему: еще чуть-чуть — и ты дома, товарищ, и стараюсь работать еще интенсивнее, чтобы успеть как можно больше. У нас ведь мало времени, два дня отнимает дорога.

Хотя обычно девушки в таких поездках выполняют другой функционал: следят за лагерем и готовят на костре еду, работают с архивами.

— Дежурные встают в 5–6 утра, готовят кашу, чай (на отряд в 30 человек), потом, пока остальные копают, готовят обед — обычно это гречка с подливой, потом ужин. Бывает, меняешься с кем-то и тоже участвуешь в раскопках. У парней же вообще все руки в мозолях после таких поездок.

Алиса говорит, что будет ездить в такие экспедиции, пока ноги ходят, чтобы каждому неизвестному солдату вернуть его имя, и мечтает организовать собственный отряд.

— Мне кажется, это самое маленькое, что можно сделать в память о погибших бойцах. На «Зайцевой горе», например, polegло 70 тысяч человек, и каждый год мы поднимаем только 200... Мы считаем, что война не закончена, пока не похоронен последний солдат.

В августе сургутяне вместе с поисковиками из остальных городов Югры отправятся работать на «Зайцеву гору». В составе этой команды будет много школьников, для которых такое в буквальном смысле соприкосновение с историей станет лучшим патриотическим воспитанием. Волонтеры говорят, что после таких поездок у многих меняется мировоззрение и ценности.

Шуп, который используется для разведки местности